

Матявина Кристина Николаевна
студентка 4 курса
Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
Россия, г. Саранск
e-mail: kristinamatyavina@yandex.ru

Кобренчук Мария Владимировна
студентка 4 курса,
Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
Россия, г. Саранск

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация: В статье изучается правовая характеристика института суррогатного материнства в России. Исследуются основные нормативно-правовые акты, регулирующие данную сферу. Рассматриваются наиболее интересные положения, закрепленные в решениях высших судебных инстанций и судов общей юрисдикции. Выявляются концептуальные проблемы, связанные с областью суррогатного материнства в нашей стране.

Ключевые слова: ребенок, суррогатное материнство, родители, вспомогательные репродуктивные технологии.

Matyavina Kristina Nikolaevna
4th year student
Middle Volga Institute (branch) VSUYu (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Russia, Saransk

Kobrenchuk Maria Vladimirovna
4th year student,
Middle Volga Institute (branch) VSUYu (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Russia, Saransk

SURROGACY IN RUSSIA: ACTUAL PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Abstract: The article examines the legal characteristics of the institute of surrogacy in Russia. The main normative legal acts regulating this sphere are investigated. The most interesting provisions fixed in the decisions of the highest judicial instances and courts of general jurisdiction are considered. Conceptual problems related to the field of surrogacy in our country are identified.

Keywords: child, surrogacy, parents, assisted reproductive technologies.

Одним из важных событий в жизни буквально каждой семьи является рождение ребенка. К сожалению, статистические данные свидетельствуют о возрастающем числе мужчин и женщин, не имеющих таких возможностей. Так, по оценке Европейского центра суррогатного материнства, «в России в год рождается как минимум 22 тыс детей от суррогатных матерей», при этом «ежегодный рост составляет не менее 20%» [1, с. 179].

В свою очередь, это вызывает необходимость применения вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ), которые, как закрепляется в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ, «представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства)» [2, ст. 55].

Исходя из данного определения, можно прийти к закономерному заключению, что суррогатное материнство представляет собой один из видов ВРТ. Стоит отметить, что несмотря на то, что данный метод достаточно давно легализован в России, правовое регулирование института суррогатного материнства по-прежнему находится в стадии своего развития, до сих пор не отражая всю сущность регулируемого вопроса.

Легальное определение суррогатного материнства можно обнаружить в Приказе Минздрава России от 31.07.2020 № 803н, который закрепляет, что «суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского для нее эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для

которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям» [3].

На наш взгляд, правовое регулирование института суррогатного материнства должно быть качественно и системно разработанным; необходимо наличие определенного равновесия между правами всех участников этих трехсторонних отношений, затрагивая не только суррогатную мать и потенциальных будущих родителей, но и, самое главное, ребенка.

Приоритетность защиты законных прав и интересов ребенка отмечается в большинстве нормативных актов, причем как в международных, так и в российских (в частности, Всеобщая декларация прав человека [4]; Семейный кодекс РФ [5, ст. 1] затрагивают данный вопрос и др.). Отдельного внимания заслуживает один из самых главных принципов Конвенции о правах ребенка, который гласит, что «во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка» [6, ст. 3]. На основе данного принципа можно сделать заключение, что, как и при большинстве ситуаций, в процессе суррогатного материнства также следует уделять особое внимание ребенку.

Отдельного рассмотрения заслуживает разработка Законопроекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования вопросов суррогатного материнства» (далее – Законопроект) [7], который потенциально может внести вклад в процесс усовершенствования законодательства в области ВРТ. С учетом определенной противоречивости формулировок, которые можно встретить в данном Законопроекте, он еще не получил однозначной оценки ни среди юристов-практиков, ни среди теоретиков.

Тем не менее, стоит отдельно отметить, что уже сам факт разработки Законопроекта, регулирующего отношения, связанные с суррогатным материнством, является серьезным шагом вперед в исследовании данной сферы. Ведь несмотря на кажущуюся объемность законодательства в этой области, фактически правовая база в данной сфере включает в себя лишь отдельные нормы, не обеспечивающие полноценно интересы ни одной из сторон. В связи с этим очевидным также является и наличие проблемных и пробельных моментов, что и пытались решить законодатели разработкой данного Законопроекта.

Так, одной из серьезных проблем является отсутствие законодательного закрепления понятия и правовой природы договора суррогатного материнства, можно сказать, что он в принципе является не урегулированным. На основе этого закономерно встречается неоднозначность позиций по поводу того, к какому виду договоров относится договор суррогатного материнства: семейный; гражданский; смешанный (на стыке семейного и гражданского права). С учетом того, что очень часто в отношениях, связанных с суррогатным материнством на практике применяется договор возмездного оказания услуг, некоторые исследователи основывают свою позицию на сходстве данных договорных конструкций. Также встречается положение, согласно которому данный договор вообще должен считаться ничтожным, т. к. по мнению сторонников данной позиции фактически предметом договора является ребенок, что противоречит не только действующему законодательству, но и нормам морали и нравственности [8, с. 975].

К тому же, нередко условия, на которых заключаются подобные договоры на практике, вызывают существенные возражения ввиду их противоречия положениям действующего законодательства. Одним из проблемных моментов является разрешение вопроса передачи суррогатной матерью рожденного ею ребенка названным родителям, а также возможные исходы данной ситуации. Первоначально возникают вопросы по поводу того, что передача ребенка не может составлять объект обязательства [9, с. 156]. В целом же, данный вопрос

урегулирован п. 4 ч. 1 ст. 51 СК РФ, в которой отражено следующее: «лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)» [5, ст. 51]. Складывается ситуация, что если суррогатная мать даст согласие на запись потенциальных родителей родителями рожденного ею ребенка, то последние приобретут родительские права; если же суррогатная мать не выразит соответствующее согласие после рождения ребенка, то она будет записана в качестве матери рожденного ею ребенка и будет осуществлять в отношении него родительские права и обязанности [10, с. 71].

Достаточно серьезный шаг в разрешении данного пробела был предпринят Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 16.05.2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». В документе разъясняется, что «в случае, если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями потенциальных родителей, то данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание» [11].

К тому же, последнее время участились ситуации недобросовестного поведения со стороны суррогатных матерей. Так, согласно Решению Татищевского районного суда от 26.05.2020 г. по делу № 2-43/2020 будущие родители «перевели суррогатной матери – Кондратенко С. А., – денежные средства в сумме 200000 рублей в качестве предоплаты за услуги по вынашиванию и рождению ребенка. В дальнейшем, в период с декабря 2018 года по апрель 2019 года Кондратенко С. А. должна была пройти подготовительные процедуры с целью диагностики общего состояния ее здоровья и определения готовности к процедуре переноса эмбриона и вынашиванию плода. При этом все фактические расходы ответчицы на медицинское обслуживание, ее проезд и проживание, возникающие в связи с подготовкой и участием в программе

суррогатного материнства, оплачивала истица. Кроме того, в указанный период по просьбе Кондратенко С. А. истицей ей были перечислены денежные средства в общей сумме 395000 рублей также в счет аванса за услуги по суррогатному материнству. Состоялся перенос донорского эмбриона генетических родителей суррогатной матери Кондратенко С. А., однако, как выяснилось по результатам контрольных медицинских процедур перенос донорского эмбриона прошел неудачно и экстракорпоральное оплодотворение не произошло. Повторных попыток принять участие в переносе эмбриона суррогатная мать не предпринимала, от контактов с истицей уклонялась. При этом она до настоящего времени не вернула истице денежные средства, полученные в качестве аванса за услуги суррогатного материнства. Поскольку истица не достигла желаемого результата, а ответчица уклоняется от встреч, на основании изложенного, просила взыскать с ответчика денежные средства в сумме 595000 рублей» [12].

Другой не менее серьезной проблемой является явное ограничение прав одиноких граждан на допуск к технологиям суррогатного материнства, что, вероятнее всего, имеет базис в виде норм, отраженных в п. 2 ст. 1 СК РФ [5, ст. 1]. Но нельзя не учитывать следующие концептуально важные положения. Так, возможность рождения ребенка имеет первичную связь не с супружеством, а с осуществлением права на частную жизнь, принадлежащего каждой отдельной личности, согласно Гражданскому кодексу РФ [13, ст. 150]. Таким образом, содержание данного права составляет возможность гражданина по своему усмотрению определять свое поведение в индивидуальной жизнедеятельности, в том числе решать вопросы, связанные с деторождением, в том числе путем применения ВТР.

К тому же, т. к. ВТР, в том числе, суррогатное материнство, представляют собой методы лечения бесплодия, следовательно, ограничение права одиноких граждан на применение технологий суррогатного материнства представляет собой ограничение их права на медицинскую помощь, закрепленного в Конституции РФ [14, ст. 41]. Более того, Конституционный Суд РФ в

Определении № 2318-О от 27.09.2018 отметил, что «значимым средством обеспечения интересов семьи, материнства, отцовства, детства, как и конституционного права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, являются в настоящее время вспомогательные репродуктивные технологии. Таким образом, позиция Конституционного Суда РФ состоит в том, что применение ВТР, в том числе технологии суррогатного материнства, обеспечивает и материнство, и отцовство, а потому исключение одиноких граждан из числа субъектов права на применение технологий суррогатного материнства будет противоречить конституционным положениям» [15].

Примечательно, что А. В. Андрианов фактически обнаружил «узкое место в узком месте» – дополнительный пробел в уже имеющемся пробеле. Исследователь отмечает, что в действительности, ущемленными оказываются только мужчины и нетрадиционные пары, т. к. п. 3 ст. 55 Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2] гласит, что «одинокая женщина также имеет право на применение ВРТ», а п. 9 того же документа именует в качестве «потенциальных родителей» также «одинокую женщину, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям» [16, с. 17-18].

На основе вышеизложенного мы приходим к следующим выводам.

На наш взгляд, однозначно положительную оценку стоит дать самому факту разработки Законопроекта. В целом заслуживает безусловной поддержки предложение авторов Законопроекта о запрете любой коммерческой посреднической деятельности в сфере отношений суррогатного материнства. Вынашивание и рождение ребенка, являясь функцией женской репродуктивной системы, не могут отчуждаться в пользу иных лиц по договору, а также быть предметом посреднической деятельности третьих лиц и почвой для извлечения ими прибыли. В то же время, разрозненность имеющихся нормативных актов, регулирующих данную сферу, уже продемонстрировали, что институт суррогатного материнства требует к себе особый, многоаспектный подход,

который, помимо теории, будет основываться на практике. В связи с чем, необходимо внести изменения в нормативно-правовые акты, регулирующие сферу суррогатного материнства в России. Рассмотренные выше проблемы не представляют собой исчерпывающий список, тем не менее, решение данных вопросов уже позволит конкретизировать многие аспекты, затрагивающие институт суррогатного материнства.

Список литературы:

1. Давлетшина Л.А., Карманов М.В. Суррогатное материнство как объект статистического исследования // Вестник университета. 2020. № 7. С. 176-183.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
3. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2021 г.)
4. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67.
5. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
6. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.
7. Заявление Российской Ассоциации Репродукции Человека по Проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования вопросов суррогатного материнства». URL: https://rahr.ru/d_index/zayavl0421.pdf (дата обращения: 14.12.2021 г.).

8. Аминова Э. Г. Суррогатное материнство: точка столкновения интересов // StudNet. 2021. № 6. С. 970-981.

9. Дёмина И. А. Правовые проблемы суррогатного материнства // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2020. № 2 (30) С. 152-162.

10. Богданова Е. Е., Белова Д. А. Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 66-75.

11. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

12. Решение Татищевского районного суда Саратовской области № 2-43/2020 2-43/2020(2-603/2019;)-М-666/2019 2-603/2019 М-666/2019 от 26.05.2020 по делу № 2-43/2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/s4s32ZXjggQR/> (дата обращения: 14.12.2021 г.).

13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.12.2021 г.).

15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С. Д. и С. Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2318-О. URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=KXDaZrSGv2qlVeMK1&cacheid=6C41C7BFFE79A2F13C41B6CDCEC97000&mode=splus&base=ARB&n=557002&rnd=0.07790910104059723#9iGcZrSELq48qs4n> (дата обращения: 14.12.2021 г.).

16. Андрианов А.В. О проблемах законодательства РФ в сфере применения программ суррогатного материнства // Юридический вестник Самарского гос. ун-та. 2015. № 1. С. 17-25.